

КЭРОЛАЙН ЛИНДЕН

ВСЕМУ ВИННОЙ

СТРАСТЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
Л59

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Caroline Linden
BLAME IT ON BATH

Перевод с английского *Я.Е. Царьковой*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения издательства
HarperCollins Publishers и литературного агентства
Andrew Nurnberg.

Линден, Кэролайн.

Л59 **Всему виной страсть : [роман] / Кэролайн Линден ; [пер. с англ. Я. Е. Царьковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (мини-Шарм).**

ISBN 978-5-17-090397-9

Джерарду де Лейси нужны деньги, причем срочно. В таких случаях брак по расчету — идеальное решение. Тем более что Кэтрин Хоу просит Джерарда избавить ее от необходимости венчаться с отъявленным негодяем. Однако Джерарду и в голову не приходит, что под звон свадебных колоколов он расстанется с холостяцкой свободой...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© P.F. Belsley, 2012
© Перевод. Я.Е. Царькова, 2012
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-090397-9

Глава 1

Джерард де Лейси не помнил своей матери.

Его старшие братья помнили. Эдварду было восемь, а Чарли одиннадцать, когда она умерла. Ему, Джерарду, только исполнилось пять, и он был слишком мал, чтобы память прочно запечатлела ее образ. Когда старшие делились друг с другом воспоминаниями о матери, будь то песня, которую она любила напевать, или какая-то шутка, заставившая отца рассмеяться, или ее трепетное отношение к саду, в котором, если верить Эдварду и Чарли, она любила возиться часами, Джерарда жгла ревность. Братья хранили в себе частичку ее, тогда как у него, Джерарда, не осталось ничего. По крайней мере ничего светлого и яркого, такого, что принадлежало бы лишь ему одному.

Конечно, он видел ее портреты — портреты, написанные тогда, когда она была совсем юной невестой герцога Дарема, официальные портреты, запечатлевшие ее с отцом после замужества, семейные портреты, на которых она была изображена в окружении трех сыновей. Джерард знал, что их мать была миловидной и стройной шатенкой с голубыми глазами. Однако портреты не идут ни в какое сравнение с живыми воспоминаниями, и ему, Джерарду, от них было мало проку. На одном из портретов она держала Джерарда на коленях. Должно быть, они сидели вот так часами, позируя художнику, но, сколько бы он ни напрягал память, Джерард не мог вспомнить ни звучания ее голоса, ни прикосновения ее рук, даже если ему и говорили, что она была ласковой

и любящей матерью и что его, младшего ребенка, она любила больше других. И от того, что у него не осталось о ней ни одного живого воспоминания, Джерард тосковал по матери сильнее, чем его братья, — так ему казалось.

Единственное воспоминание о ней оставило в его душе незаживающую рану. Он помнил тот день, когда она умерла.

Отец в то утро зашел в детскую, когда они завтракали. И это являлось первым признаком беды, хотя в ту пору Джерард этого не осознал. В глазах пятилетнего Джерарда отец был чем-то вроде сказочного богатыря — большим, могучим и всевластным, и он всегда с замиранием сердца смотрел на отца, когда тот поднимался по лестнице и звук его шагов гулким эхом отдавался в их просторном, с высоченными потолками, доме в Суссексе. Голос отца напоминал ему громовые раскаты. Джерард помнил, как могучие руки подбрасывали его в воздух и он задышался от восторга — и как у него сводило живот, когда он летел вниз. Он боялся напрасно — отец всегда успевал подставить руки и поймать его. Позже Джерард с удивлением обнаружил, что совсем немногие мужчины, принадлежащие их кругу, проводили столько времени со своими детьми, и от этого он стал относиться к отцу с еще большим почтением. Дарем слыл превосходным наездником — самым лучшим из всех, кого Джерард знал, стрелял лучше всех и всегда слыл душой компании. Он был силен как телом, так и духом. Одним словом, отец всегда являлся для Джерарда кумиром и образцом для подражания.

В то утро Дарем поднялся наверх угрюмый и молчаливый, когда они ели свою овсянку. Чарли и Эдвард, должно быть, знали, в чем дело, поскольку они не произнесли ни слова. Однако Джерард ни о чем не догадывался и тогда, когда отец сел с ними за круглый стол, а няня принесла тосты.

— Я принес вам печальную новость, ребята, — с трудом выдавливая из себя слова, сказал герцог.

Джерард подумал, что речь идет о щенках, которых только что родила их лучшая сука поро-

ды пойнтер. Почему он вспомнил о чертовой псине, а не о матери, одному Богу известно.

— Что-то с мамой, да? — тихо спросил Эдвард.

Герцог угрюмо кивнул. Эдвард опустил ложку.

— Что случилось с мамой? — спросил Джерард.

— Она была очень больна, — ответил отец. — А сейчас, к несчастью, она умерла. — Эдвард молчал. Чарли опустил голову на руки. — Я написал вашей тете, леди Даулинг, — продолжал отец. — Я пригласил ее и вашего кузена Филиппа приехать и пожить с нами несколько месяцев.

— Я не хочу, чтобы с нами жила тетя Маргарет, — сказал Джерард. — Я хочу к маме.

— Она умерла, — прошептал Эдвард.

Джерард зло скривился:

— Нет!

— Джерард, сынок, она умерла, — сказал ему отец.

У Джерарда задрожал подбородок. Он знал, что такое смерть. Это означало, что они возьмут мертвую маму — до сих пор он видел мертвыми только собак, — выкопают яму позади конюшни и положат ее туда. Но ведь отец этого не допустит!

— Я не верю.

Герцог немного помолчал. Джерард никогда не забудет, как утреннее солнце светило прямо в лоб отцу и каким этот лоб был блестящим и гладким там, где начинались залысины.

— Ты бы хотел ее увидеть?

Джерард кивнул. Через мгновение и Эдвард кивнул тоже.

— Да, — пробормотал Чарли. — Пожалуйста, позволь.

Герцог коротко кивнул, и все трое мальчиков неслышно поднялись со своих стульев и пошли следом за отцом, забыв про завтрак. Они спустились по узкой лестнице, которая вела прямо в гостиную герцогини. Там было очень тихо, непривычно тихо. Джерард часто сбегал по этой лестнице из детской в гостиную, чтобы посидеть у матери на коленях. В этой гостиной всегда былолюдно: экономка, горничная, слуги с подно-

сами. Матери никогда не мешала эта толчея, и она никогда не отсылала Джерарда прочь, никогда не ругала его за то, что он бегаёт по лестницам, вместо того чтобы ходить. Сегодня комната была пуста. Герцог открыл дверь в ее спальню и махнул рукой слугам, и те тут же попятились к выходу. Затем отец шагнул в спальню и пригласил сыновей войти вместе с ним.

Потом Джерард пожалел о том, что отец это сделал. Джерард думал, что, возможно, не увидев ее такой в последний раз — жуткой, мертвой, он сохранил бы более радостные воспоминания о матери. Но ребенком он не мог знать, что его ждет, и, войдя в комнату, обнаружил ее, лежащую на кровати, настолько изменившуюся, настолько непохожую на себя, что он едва ее узнал. Темные волосы ее были зачесаны назад, убраны с лица, которое, казалось, запало, ушло в глубь черепа. С постели сняли покрывала, и она лежала в своей ночной сорочке, снежная белизна которой лишь подчеркивала землистый цвет кожи, совсем не такой, как всегда. Какой-то сверток был всунут в кольцо ее руки. Мама лежала с закрытыми глазами, но даже ему, пятилетнему ребенку, было ясно, что она не спит.

Эдвард рядом с ним всхлипнул. Герцог положил руку ему на плечо.

— Мне жаль, ребята, — очень тихо повторил герцог. — Можете уходить, если хотите.

— Спасибо, сэр, — сдавленно пробормотал Чарли и бегом бросился к двери. Эдвард всхлипнул и, закрыв лицо рукавом, тоже вышел следом за старшим братом, не сказав ни слова.

Джерард жался к отцу. То, что лежало на кровати, немного напоминало мать, но не было ею.

— Она действительно умерла? — Он снизу вверх посмотрел на отца, и тот коротко кивнул. — Почему она умерла, отец?

Герцог ответил не сразу. Его лицо странно исказилось. Похожее выражение было у Эдварда, когда тот понял, что сломал свой новенький компас: расстроенное и одновременно виноватое.

— Это кара Господня, — сказал наконец герцог едва слышно. — Она была слишком хороша для меня.

Джерард снова посмотрел на мать. Ему хотелось прикоснуться к ее лицу в надежде, что удастся ее разбудить, но так и не решился.

— Мы закопаем ее за конюшней? — печально спросил он. — Ей это не понравится, папа.

Герцог вздохнул, затем наклонился и взял Джерарда на руки.

— Нет, сын, — пробормотал Дарем. — Она будет лежать в мавзолее возле часовни, и однажды ты положишь туда и меня, чтобы ей не было скучно.

— Не хочу, чтобы ты умирал. И не хочу, чтобы она умирала.

— И я не хочу, — сказал герцог каким-то глухим, бесцветным голосом. — И я тоже.

— Что это? — спросил Джерард, указав на сверток. Он заметил фамильный герб, вышитый на нем серебряными нитками.

— Твоя сестра. Она родилась слишком рано.

— А... — Он уставился на сверток широко распахнутыми глазами. — Она тоже умерла?

— Да.

Джерард положил голову отцу на плечо. Он хотел было по привычке засунуть большой палец в рот, но вовремя опомнился и сжал руку в кулак.

— Она останется с мамой?

Герцог крепче обнял его.

— Да, она останется с мамой, а я останусь с тобой и твоими братьями.

— Спасибо, папа, — тихо сказал Джерард. — Я не хочу, чтобы и тебя с нами не было.

— Я буду с вами, малыш, — прошептал отец. — Я обещаю.

И Дарем сдержал слово. Он так больше и не женился. Он лично участвовал в воспитании своих сыновей и делал это с той же требовательностью и самоотдачей, как и все, что он делал в жизни. Джерард спрыгал

наизусть латинские глаголы и пересказывал уроки истории своему отцу до тех пор, пока не выучивал их назубок. Он стоял перед отцом с повинной головой, а затем принимал наказание от руки отца. Отец посадил его верхом на его первого пони, и отец купил ему первый патент на офицерский чин — чин младшего лейтенанта кавалерии. Мужчина должен заслужить право отвечать за других людей, заявил герцог, отказавшись покупать двадцатилетнему юнцу патент на чин капитана или майора, чтобы он не погиб по собственной глупости или по его вине не погибли другие. Тогда возмущению Джерарда не было предела, но по мере того, как он набирался армейского опыта, он все больше понимал отца. В армии Джерард получил очередное подтверждение того, что Дарем относился к своим детям с истинно отеческой заботой.

Однако вера Джерарда в отца роковым образом качнулась, когда герцог умер. На последнем вздохе Дарем молил их о прощении, но лишь когда они готовили отца к погребению в мавзолее, Джерард и его братья узнали о том, какой именно грех совершил их отец. За несколько лет до того, как унаследовал титул герцога, и за десять лет до того, как женился на их матери, он тайно вступил в брак. И этот скоротечный брак так и не был аннулирован, не был признан фиктивным. Развода тоже не было. Этот брак мог стоить Джерарду и его братьям всего, что они привыкли считать своим по праву. Поскольку если тот первый брак отца не утратил силу, то второй брак — брак с матерью его троих сыновей являлся незаконным, и дети, рожденные в этом браке, признавались незаконнорожденными. И все из-за того, что Дарем в своей безграничной самоуверенности решил скрыть этот факт своей биографии от сыновей даже тогда, когда получил письма с угрозами предать гласности его истинное семейное положение.

Джерард злился на отца. Герцогство Дарем считалось одним из самых богатых в Англии, и все их ожидания были так или иначе связаны с наследной собственностью. Открывшиеся обстоятельства имели

эффект разорвавшейся бомбы. В своем завещании Дарем оставил ряд распоряжений, касающихся имущества, не отчуждаемого с титулом — приобретенного им, когда он уже являлся герцогом, и приданого их матери. Однако по сравнению с тем, что они могли бы иметь, это были сущие крохи.

Чарли, который с пеленок знал, что титул герцога перейдет ему, по завещанию отца получал дом в Линкольншире, которым почти не пользовались и о котором почти не заботились при жизни отца, и деньги, которых едва могло хватить на содержание этого дома. Эдварду, посвятившему большую часть жизни управлению обширными владениями Дарема, благодаря его радению процветавшими и приносившими хороший доход, предстояло увидеть, как плодами его трудов воспользуется человек, не сделавший для имений Дарема ровным счетом ничего. Скорее всего они достанутся вертопраху Огастусу, дальнему родственнику их отца. Джерарду, младшему сыну герцога, тоже было что терять. Третий сын, конечно, не мог рассчитывать на то же наследство, что и старший, и Джерард с детства знал, что ему придется самому искать возможность обеспечить себе достойную жизнь. И все же, если окажется нечем оплатить патент на очередное воинское звание, он будет вынужден оставить военную карьеру — поприще, которое он сам для себя выбрал, ради которого проливал кровь и к которому со временем почувствовал призвание. И тогда у него совсем ничего не останется. Их всех объявят бастардами и изгонят из приличного общества. Они будут вынуждены влачить существование на тысячу фунтов в год без всякой надежды хоть когда-нибудь выбиться из нужды, поскольку у них не останется ни одного, даже плохонького имения, способного приносить доход и давать надежду на лучшие перспективы.

А его мать... Джерард задержался на церковном дворе после того, как Эдвард, пастор и немногие слуги, приглашенные на церемонию, ушли, положив тело отца на вечный покой в семейный склеп. Эдвард бросил на него вопросительный взгляд, но Джерард покачал

головой. Он знал, что у них много дел и нет времени стоять сложа руки, в скорбной позе. Они с Эдвардом договорились, что после похорон должны немедленно ехать в Лондон, чтобы сообщить Чарли о постигшем их всех несчастье, поскольку Чарли не удосужился приехать из столицы в Суссекс, чтобы похоронить Дарема. Им предстояло решить, как защитить свое наследие, ибо ни один из них не собирался сдаваться без боя. Джерарду потребовалась лишь минутка покоя наедине с собой и своими мыслями перед тем, как окунуться в суету насущных забот.

И вот он стоял в семейном мавзолее, наедине с призраками многих поколений предков, положив руку на холодный камень, под которым покоился прах его матери. Гравировка на камне гласила: «Анна, герцогиня Дарем» — и дальше даты рождения и смерти. Внизу маленькая приписка о младенце женского пола, похороненном вместе с ней. У мертворожденной девочки даже не было имени. Конечно, и ее сочли бы незаконной, как и их всех, — все из-за преступной беспечности их отца. Если все пойдет прахом и Огастус, будь он проклят, станет следующим герцогом, распорядится ли он вынести из мавзолея прах Анны и ее дочери?

Джерард закрыл глаза и пообещал ей, что не допустит этого. Ради нее, ради себя, ради братьев и даже ради отца. Он во что бы то ни стало защитит доброе имя самых близких ему людей и спасет семью от грозившего ей позора.

Глава 2

Со своей первой задачей — найти Чарли — Джерард и Эдвард управились без проблем, поскольку оказалось, что их старший брат прикован к постели и из-за сломанной ноги не выходит из своего лондонского дома. Как они с Эдвардом и предполагали, смерть отца не слишком опечалила Чарли. Однако чего они никак не ожидали, так это того, с каким безразличием отнесется брат к вполне реальной угрозе лишиться всего и сразу.

Эдвард уверял его, что равнодушие Чарли не больше, чем поза, что старшему брату далеко не безразлична их общая судьба. Хотя, если честно, Джерарду было все равно, что думает или чувствует по этому поводу Чарли. Куда важнее было найти решение проблемы, а вот с этим как раз и возникли сложности — они не могли прийти к согласию относительно путей ее решения.

Эдвард делал ставку на закон — предлагал найти лучших адвокатов в Лондоне и подготовить обоснованную и подкрепленную фактами петицию о присвоении Чарли титула герцога Дарема до того, как это сделает кто-то другой. Как только титул будет официально закреплен за Чарли, никто уже его у него не отнимет, какие бы сенсационные факты биографии его отца ни вскрылись внезапно. Джерард соглашался с таким подходом, но считал, что подготовка петиции — лишь начало борьбы. Джерард не обладал терпением и дисциплинированностью Эдварда. Судебные процессы продвигаются черепашьями темпами, и если в конечном итоге они потерпят поражение, будет слишком поздно предпринимать что-либо еще. Чарли, конечно, согласился с разумностью предложенного плана. Он готов был согласиться с чем угодно, лишь бы переложить ответственность на плечи других, а самому тем временем заниматься тем, что у него получалось лучше всего, — прожигать жизнь. И вот оно, доказательство, — Чарли с той же легкостью согласился с планом Джерарда отыскать шантажиста и покончить с ним. Как всегда, Эдвард выступил в роли миротворца и сообщил, что адвоката берет на себя, а Джерард пусть сделает все, что может, дабы отыскать шантажиста. Роль Чарли не оговаривалась по умолчанию — всем было ясно без слов, что он и палец о палец не ударит ради общего дела.

Однако, несмотря на настойчивую просьбу Джерарда никому не рассказывать о возможном двоеженстве, Эдвард все же доверился своей невесте, леди Луизе Холстон. Не прошло и двух суток, как самая одиозная бульварная газетенка города напечатала статью о семейном скандале Дарема, на потеху всему Лондону. Те-

перь стоило лишь выйти из дома, как на братьев начинали показывать пальцем или шутливо интересоваться, не собираются ли они сбежать на континент, прихватив драгоценности, принадлежавшие матери. Джерарда так и подмывало выяснить отношения с братом, у которого хватало ума довериться женщине. Впрочем, Эдварду досталось и без того — та самая леди, которой он доверился, выбрала самый унижительный из всех возможных способов порвать отношения. О расторжении помолвки Эдвард узнал из той же самой мерзкой статейки.

Впрочем, без нее Эдварду будет лучше. Луиза была унылой тихоней, хотя и довольно хорошенькой. Плохо только то, что Эдвард успел к ней привязаться. Джерард не был настолько жесток, чтобы сыпать соль на израненную гордость брата. Единственное, что можно было сделать в данной ситуации, — это удвоить усилия, направленные на поиски шантажиста, и отнять у него все имеющиеся в его распоряжении доказательства тайного брака Дарема.

В одном из писем шантажист требовал пять тысяч фунтов в обмен на молчание. Деньги было велено оставить на оговоренном кладбище на одной из могил — какой именно, указывалось в письме. Джерард поехал туда, несколько часов провел, общаясь со священником, весьма по-дружески к нему расположенным, и узнал, что могиле, о которой шла речь в письме, более сотни лет и ее никто не искал. Пастор также клялся, что ночью к ней тоже никто не мог подойти, поскольку он сам запер ворота каждый вечер. Джерарду это обстоятельство показалось странным. Зачем требовать выкуп, если никто даже не попытался его забрать? Требование выкупа содержалось в третьем письме, а в четвертом о деньгах даже не упоминалось.

Не сумев отыскать никаких следов шантажиста в столице, Джерард стремился поскорее уехать из города. Эдвард утверждал, что заткнет рты сплетникам, хотя его план, который включал участие некой рыжеволосой вдовы с великолепным бюстом и голосом

сирены, Джерарду показался не слишком убедительным. Он радовался за брата, что тот позволит себе немного расслабиться в объятиях чувственной вдовы — так скорее затянутся раны, нанесенные Луизой. А если Эдварду при этом еще и удастся замять скандал, тем лучше.

Была и еще одна причина, побуждавшая его уехать из Лондона. Но об этой причине Джерард предпочитал не распространяться. Даже с братьями ему не хотелось делиться своими планами. Законный сын или нет, Джерард был всего лишь третьим сыном герцога. Даже при самом благоприятном стечении обстоятельств он мог рассчитывать только на себя. Титул и вся неотчуждаемая собственность, как и налагаемые титулом обязанности отойдут Чарли. Эдвард скорее всего продолжит вести за Чарли дела, поскольку трудно представить, чтобы у Чарли в обозримом будущем проснулся интерес к управлению поместьями и тем более появились необходимые для этого навыки. Джерард выбрал для себя армию и вполне удачно делал карьеру, но армия не могла кормить его вечно. Дарем еще несколько лет назад посоветовал сыну присмотреть себе девушку с хорошим приданым, но именно сейчас скандал, с легкой руки шелкоперов разошедшийся под названием «Дилемма Дарема», взывал к принятию самых срочных мер. Джерарду хотелось бы найти себе жену, пока ситуация не усугубилась. И поскольку в Лондоне все леди уже оказались в курсе скандала, самым разумным было бы поискать невесту за пределами столицы, в городах вроде Бата, откуда и отправлялись письма с угрозами.

Вскоре Джерард завершил все свои дела в Лондоне, попрощался с братьями и отправился в Бат. Быстрому перемещению мешали заторы на улицах столицы, и к тому времени, как Джерард добрался до гостиницы «Утка и собака» на южной окраине города на другом берегу Темзы, уже наступил вечер. Можно было бы дотянуть до следующей гостиницы, но Джерард успел проголодаться. Решив заночевать здесь, а с рассветом тронуться в путь, Джерард отдал соответствующие распоряжения
ординарцу.

После сытного ужина, сдобренного отличным вином, Джерард еще раз перечитал письма с угрозами. Два письма были отправлены из Бата и одно из Лондона. Штемпель на четвертом письме был размазан настолько, что определить место отправления не представлялось возможным, но поскольку это письмо отправили раньше других, Джерард отложил его в сторону. Зачем понадобилось отправлять письма из разных городов? Должно быть, тот, кто их отправлял, постоянно курсировал между Лондоном и Батом. На первом письме дата отправления была годичной давности. Второе, со штемпелем Бата, отправили восемь месяцев назад, третье прислали из Лондона почти шесть месяцев назад, а четвертое, снова из Бата, около семи недель назад. Значило ли это, что за четвертым письмом последует еще и пятое? Или смерть Дарема изменила планы шантажиста?

Джерард откинулся на спинку кресла и задумался. Теперь, когда их отца нет в живых, следующее письмо должен получить наследник титула, то есть Чарли. Станет ли таинственный адресат выдвигать конкретные требования или, как в прошлый раз, ограничится угрозами? Что он попросит у Чарли? Впрочем, если тот, кто третирует их семью, имеет пусть даже поверхностное представление о распределении обязанностей между де Лейси, к Чарли он обращаться не станет. В ближайшем окружении знали: несмотря на то что наследник титула — Чарли, со всеми вопросами следует обращаться к Эдварду, если рассчитываешь получить результат. На публике Эдвард неизменно вел себя почтительно по отношению к старшему брату, и у непосвященного могло сложиться впечатление, что он во всем советуется с ним, однако в семье Эдвард был единственным непререкаемым авторитетом. Джерард стянул сапоги и поудобнее устроился в кресле. Мысли блуждали по кругу — в этой задаче было слишком много неизвестных, оставалось надеяться только на интуицию.

Он уже задремал, когда кто-то постучал в дверь. Постучали еле слышно, словно и не постучали даже, а поскребли по двери. Джерард даже не подумал

встать с кресла, ему и глаза открывать было лень. Может, робкий визитер уйдет, не дождавшись ответа? Хотелось бы надеяться. Но стук повторился. На этот раз стучали сильнее и решительнее. Со вздохом Джерард поднялся на ноги. Письма шантажиста он сунул в седельную сумку. Он столько раз их читал, что успел выучить наизусть. Джерард потянулся и покрутил головой, разминая затекшие мышцы.

Не надевая сапог, в носках он подошел к двери и распахнул ее. К его удивлению, на пороге стоял не хозяин гостиницы и даже не горничная, а женщина довольно преклонных лет. Морщинистое лицо незнакомки выражало досаду и недоумение. Она была вся в черном, если не считать кружевного чепца цвета слоновой кости на седых волосах. Платная компаньонка или классная дама в местной школе для девочек. Либо так, либо в Ньюгейтскую тюрьму стали набирать надзирателей женского пола. Что ей от него понадобилось? И как она его нашла, если никому, кроме братьев, Джерард не говорил о том, куда едет? Сонливость с него как рукой сняло.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Добрый вечер, капитан. — Незнакомка смерила его быстрым оценивающим взглядом. Глаза у нее были неприятного желтовато-зеленого оттенка. Как бы там ни было, то, что она увидела, определенно ее не впечатлило. — Вы ведь капитан лорд Джерард де Лейси, верно?

Взгляд Джерарда скользнул влево, потом вправо: в коридоре она была одна.

— Да.

Гостья едва заметно поклонилась.

— Моя госпожа увидится с вами.

Брови Джерарда поползли вверх.

— И кто, смею полюбопытствовать, ваша госпожа?

— Леди.

— Как ее зовут?

Незванная гостья поджала губы так, словно собралась их проглотить.

— Так вы придете или нет?